

УДК 159.9
ББК 88.4
Л86

Лурия, Александр Романович.

Л86 Потерянный и возвращенный мир: короткий путь в чертоги разума / Александр Лурия. — Москва : Алгоритм, 2018. — 272 с.

ISBN 978-5-907028-70-8

Это повесть об одном мгновении, которое разрушило целую жизнь. Это рассказ о том, как пуля, пробившая череп человека и прошедшая в его мозг, раздробила его мир на тысячи кусков, которые он так и не мог собрать.

Это книга о человеке, который отдал все силы, чтобы вернуть свое прошлое и завоевать свое будущее.

Это книга о борьбе, которая не привыкла к победе, и о победе, которая не прекратила борьбы.

А. Р. Лурия

На Западе знают имена лишь немногих советских врачей, и одно из них — Александр Романович Лурия. Его труды цитируют, им восхищаются, ему посвящают книги. Он создал новую науку — нейропсихологию. Он первым разобрался в том, как работает наш мозг, и доказал, что даже пуля в голове еще не повод для отчаяния.

Эта книга не научный труд, но удивительный рассказ о главном пациенте А. Р. Лурии, Льве Засецком, которому несколько пуль раздробили череп. Утратив память и способность логически мыслить, но сознавая свое бедственное положение, он сумел полностью восстановить утраченное здоровье. Спустя много лет человека, которому врачи не оставляли ни единого шанса, признали полностью здоровым. Книга, которую вы держите сейчас в руках, это история подвига врача и пациента.

**УДК 159.9
ББК 88.4**

ISBN 978-5-907028-70-8

© А. Лурия, 2018
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

Лурия Александр Романович

**ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ МИР
КОРОТКИЙ ПУТЬ В ЧЕРТОГИ РАЗУМА**

Редактор *Е.О. Мигунова*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 28.06.2018.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-907028-70-8

9 785907 028708 >

СОДЕРЖАНИЕ

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ МИР

Предисловие к американскому изданию	9
О книге и об авторе	20
Прошлое	24
Война	26
После ранения	27
Что же со мной?	29
Восстановительный госпиталь	32
Наша встреча	34
Выписка из истории болезни № 3712	37
Несколько страниц из науки о мозге	39
Первые шаги в раздробленном мире	50
Зрение	51
Тело	53
Пространство	57
Чтение	71
За учебу!	75
Письмо. День решающего открытия	80
«История страшного ранения»	84
Для чего он писал?	91
«Я живу в беспмятном мире»	95
«Я начал жить и вспоминать с изнанки»	103
Странности «речи-памяти»	109
Как вспоминаются слова	117
В частоколе нерасшифрованных слов и невоплощенных мыслей	123
В мире грамматических форм	128
Лабиринт грамматики	135

«...Я потерял все знания...»	143
Живое воображение. Личность	155
Повесть, которая осталась без конца	158
Вместо эпилога	159

МАЛЕНЬКАЯ КНИЖКА О БОЛЬШОЙ ПАМЯТИ

Предисловие к американскому изданию	163
От автора	173
Замысел	174
Начало	176
Его память	180
Его мир	217
Его ум	230
Его воля	257
Его личность	264
Взгляд в будущее	271

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ МИР

Предисловие к американскому изданию*

Необыкновенно продуктивная жизнь Александра Романовича Лурии охватывает большую часть нашего столетия (1902–1977), и глубочайшие изменения в наших представлениях о мозге и психике произошли на его глазах. Его усилия в течение всей жизни были направлены на изучение структуры мышления, восприятия, движений человека, того, как эти функции могут нарушаться или расстраиваться, а также на создание способов их восстановления после поражений мозга, вызванных травмой или болезнью. У него был очень широкий круг интересов, и за 55 лет плодотворной работы (его первая книга, посвященная проблемам психоанализа, появилась в 1922 г., а последнее, в которых он рассматривает вопросы памяти, языка, развития познавательных процессов, были опубликованы в последний год его жизни) он оставил нам фундаментальные исследования по таким разнообразным проблемам, как невроз, болезнь Паркинсона, расстройства речи, нарушения эмоционально-волевой и двигательной сфер, нарушения поведения и познавательной деятельности в детском возрасте, сложные формы «умственной слепоты», а также ряд работ в его любимой, как мне кажется, области — природа памяти и воображения. Он написал два десятка книг и несколько сотен статей, каждая из которых отмечена удивительной ясностью мысли и стиля, страстной честностью и, главное, любовью к своему делу. Он был наиболее значительным и плодовитым нейроп-

* *Luria A.R. The Man with a Shattered World. Cambridge; Massachusetts, 1987. Foreword by O. Sacks. P. VII–XVIII.*

сихологом своего времени, и благодаря его работам нейропсихология поднялась до такого уровня изысканности и простоты, о котором 50 лет назад и мечтать было невозможно.

Отличительная черта его подхода, отчетливо различимая уже в первых работах и впоследствии ставшая основной нитью всех его исследований, есть представление о том, что даже самые элементарные функции мозга и психики не являются по своей природе исключительно биологическими образованиями — они обусловлены опытом индивида, его взаимодействиями со средой, определяются культурой; он полагал, что способности человека невозможно изучить или понять изолированно, их следует понимать лишь в контексте его жизни и формирующих влияний. Эту «социальную» точку зрения, лежащую в основе его подхода, он разделял со своим выдающимся учителем Львом Выготским, и Лурия часто говорил о том, что своими работами он продолжает дело Выготского. Среди тех, кто в разное время оказал более или менее значительное влияние на Лурию, необходимо отметить Фрейда и Павлова, однако прежде всего он оригинально и независимо мыслящий ученый.

Его ранние исследования, посвященные развитию речи и мышления ребенка, игре, а также кросс-культурные исследования познавательного развития действительно были по своей сути «выготскианскими». Однако позже, чувствуя, что изучение развития психических функций должно быть подкреплено исследованиями их нарушения, Лурия обратился в конце 30-х гг. к классическому методу клинического анализа, которому он и посвятил всю свою остальную жизнь. Анализ влияний поражений мозга (таких как травма, инсульт или опухоль) на восприятие, память, воображение, речь, мышление, т.е. на все психические особенности больного, издавна составлял основной метод в неврологии. Однако благодаря предложенным Лурией принципиально новым идеям и подходам к изу-

чению мозга и психических функций были открыты новые способы понимания неврологических процессов, способы, которые содержали в себе также и потенциальную возможность коррекции дефекта (в отличие от «старой» неврологии, у которой не было возможности делать что-либо практически).

Вторая мировая война с ее трагически большим числом случаев грубых повреждений мозга поставила для новой нейропсихологии гигантский эксперимент, и книга Лурии «Восстановление функций мозга после военной травмы» отражает то новое понимание и те надежды, которые появились в связи с лечением этих больных. После войны его исследования, в особенности направленные на изучение последствий мозговых аневризм и травм (этих «ранений» мирного времени), расширились, стали более углубленными и точными, привели к накоплению наиболее исчерпывающих экспериментальных данных о языке, памяти, восприятии, воображении, логическом мышлении — всех тех функциях, которые образуют психику или являются ее составной частью. Эти исследования отражены в ряде наиболее значимых книг: «Мозг и психические процессы», «Травматическая афазия», «Основные проблемы нейролингвистики», «Нейропсихология памяти» — и в самой фундаментальной работе — «Высшие корковые функции человека».

Все это грандиозная, «классическая» сторона творчества Лурии, но есть еще и другая, не менее важная сторона: он любил называть ее романтической наукой. Лурия противопоставляет «классическую» и «романтическую» науки следующим образом: «Классические ученые — это те, которые рассматривают явления последовательно по частям. Шаг за шагом они выделяют важные единицы и элементы, пока, наконец, не сформулируют некие абстрактные общие законы... Один из результатов такого подхода — сведение живой действительности со всем ее богатством деталей к абстрактным схемам. Свойства живого целого при этом

теряются, что побудило Гёте написать: “Ведь каждая теория сера, но зеленеет вечно древо жизни”.

Иными чертами, подходами и стратегией отличаются “романтические” ученые. Они не идут по пути редукции реальности к абстрактным схемам, что является руководящей идеей классической группы. Романтики в науке не хотят ни расчленять живую реальность на ее элементарные компоненты, ни воплощать богатство конкретных жизненных событий в абстрактных моделях, которые теряют свойства самих явлений. Величайшее значение для романтиков имеет сохранение богатства конкретных событий как типовых, и их привлекает наука, сохраняющая это богатство» (Этапы пройденного пути. М., 1982. С. 167).

Это понятие «романтической» науки, которым он был увлечен с самых ранних лет своей жизни, в полной мере нашло свое выражение только в последние годы его жизни в двух удивительных «неврологических новеллах»: «Маленькая книжка о большой памяти» и «Потерянный и возвращенный мир».

Когда появился «Потерянный и возвращенный мир», эта книга настолько взволновала меня, что я написал на нее рецензию, которая превратилась в очерк о Лурии*.

Еще большее волнение я пережил, когда получил от него ответ (получить письмо от Лурии было все равно, что получить письмо от Фрейда!), в котором среди прочего он описывал и свое отношение к собственной работе: «Честно говоря, мне самому очень нравится стиль “биографического” исследования, типа работ о Шерешевском (мнемонисте) или о Засецком... Во-первых, потому, что это разновидность “романтической” науки, которой мне хочется заниматься, а во-вторых, потому, что я категорически *против* формального статистического подхода, но *за* качественное изучение личности, я — *за* любую попытку найти *факторы*, лежащие в основе структуры личности... Единственное, что отличает эти две книги от дру-

* The mind of A.R. Luria // Listener. 1973. June 28.

гих, — это их *стиль*; *принцип* остается тем же самым» (19 июля 1973 г.).

И в другом письме, написанном несколькими днями позже: «Я всегда хорошо осознавал и был уверен в том, что клиническое описание отдельных случаев играет ведущую роль в медицине, в особенности в неврологии и психиатрии. К сожалению, умение дать такое описание, которое было столь широко распространено среди великих неврологов и психиатров XIX века, сейчас почти утрачено» (25 июля 1973 г.).

Лурия понимал свою задачу (одну из двух своих жизненных задач) как необходимость восстановления «романтической» науки (его второй задачей было основание нейропсихологии, новой аналитической науки). Эти две цели не были противоречивы, напротив, они являлись взаимодополняющими во всех аспектах. Поэтому он говорил о потребности писать книги двух типов: «систематические» (как «Высшие корковые функции») и «биографические» (как «Ум мнемониста» и «Потерянный и возвращенный мир»). Он не рассматривал книги второго типа как «легкие» или менее важные, по сравнению с книгами первого типа, он полагал, что это иная (и по-своему не менее строгая) форма научного труда, столь же необходимая, как и классическая, и дополняющая ее. Тот факт, что книги, написанные в этой форме, являются в высшей степени читаемыми и доступными, оказывается не просто случайностью, а естественно вытекает из их природы, из того, что цель здесь — представление индивидуальности больного, отображение человека во всей его полноте при одновременном изображении интимной структуры его бытия, т.е. то сочетание искусства и анатомии, о котором мечтал Юм.

Задача такого рода, т.е. одновременное художественное изображение человека и его анатомический анализ, объединение мечты романиста и ученого, была впервые решена Фрейдом; и когда читаешь Лурию, вспоминаются

великолепные фрейдовские описания случаев. По своей точности, жизненности, богатству и глубине проработки деталей (хотя они, конечно, отличаются от фрейдовских так же, как нейропсихология отличается от психоанализа) луриевские случаи могут действительно сравниться только с описаниями Фрейда. Они оба проводят фундаментальные исследования природы человека; и в том, и в другом случае — новый подход к пониманию человеческой природы.

Еще одним отличием луриевских «биографий» является то, что они представляют собой описание случаев с *тридцатилетней историей* — ни Фрейд, ни кто-либо другой не оставили нам описаний такого объема. Однако истинная уникальность этих историй заключается в их стиле, где строгое, аналитическое описание сочетается с глубоким личным чувством эмпатии к тем, о ком он пишет. Метод строгого анализа используется им для того, чтобы выделить «синдром», всю сумму симптомов, характерных для заболевания, или состояния, или нарушенной функции; однако анатомическое описание синдрома включается в изображение личности больного, его индивидуальности, что делается с почти художественной непринужденностью и экспрессией. И эти два метода объединены — синдромный анализ всегда связан с характеристикой личности больного, а личность всегда связана с синдромом — метод художественного изображения личности и научный анализ синдрома с успехом сплавлены воедино. Насколько Лурии удастся их сплавить — решать читателю; однако необходимо подчеркнуть, что уже сама *идея* такого сплава была смелой и новой. До Лурии никто еще не создавал неврологических «новелл».

«Я пытался идти, — пишет Лурия, — по пути Уолтера Патера с его “Воображаемыми портретами”... с той разницей, что персонажи моих книг не были воображаемыми портретами». Они не были воображаемыми, но и не были невообразимыми, так как превращение Лурией про-

стных фактов из жизни Шерешевского и Засецкого в удивительно живые и прекрасные описания случаев — продукт потрясающего творческого синтеза и воображения. Естественно, что они оказываются описаниями экстраординарных случаев, так как именно необыкновенные случаи представляют наиболее выразительные примеры, уникальные по своей поучительности, независимо от того, являются они случаями гипертрофии каких-либо способностей (как это имеет место в случае мнемониста с его фантастически развитой памятью и воображением) или случаями поражения определенных мозговых зон и опустошительного разрушения психических функций, как у больного Засецкого с ранением мозга.

Выдающийся врач прошлого века Айви Мак-Кензи писал: «Врач (в отличие от натуралиста) занимается... одним-единственным организмом, человеком, усилия которого направлены на сохранение собственного тождества в неблагоприятных обстоятельствах». Как нейропсихолог Лурия изучает заболевания и синдромы, развитие мозга и его поражения, а также связанные с ними изменения психики; однако как представитель «романтической» науки и как врач он всегда сосредоточен исключительно на этом тождестве, занят поиском его, рассмотрением особенностей его трансформаций, укреплением и поддержкой этого тождества в борьбе с превратностями судьбы. Именно по этой причине «биографические» описания Лурии, помимо своей специфичности, являются прежде всего и преимущественно рассказами о личности как целом — о ее психике, жизни, мире, о *выживании*.

В своей книге «Ум мнемониста» Лурия не только представляет нам потрясающий анализ психики мнемониста, но и демонстрирует свою глубокую озабоченность его человеческой судьбой. Это чувство озабоченности и сочувствия с еще большей силой проявляется в книге «Потерянный и возвращенный мир», где на долю больного выпала столь напряженная и мучительная судьба.

Обе эти книги, как подчеркивает в своем предисловии к работе «Ум мнемониста» Джером Брунер, выходят за пределы чисто медицинской или научной литературы и представляют собой новый литературный жанр, который отличается целостностью повествования и прекрасным языком, столь же смелым, сколь ясным и прозрачным. В книге «Потерянный и возвращенный мир» чувство драматического напряжения, динамики рассказа возникает с самого начала (хотя, как это бывает в большинстве правдивых историй, рассказ этот не имеет окончания). Несмотря на то что автором этого жизнеописания, как говорит Лурия, является сам Засецкий, в действительности мы должны видеть в Засецком и в Лурии соавторов этой истории. Создание книги такого рода не имеет прецедента в нашем столетии, поиск аналогов заставляет нас вспомнить об анонимном тексте «Confessions of a Ticquer» («Признания страдающего тиками»), с которого начинается книга Меж и Федел о тиках, изданная в XIX в., где собственный текст больного перемежается с комментариями его врачей. Лурия возвращается к этой старой традиции, однако он ее возрождает в абсолютно новой форме.

Тяжелое осколочное ранение Засецкого в 1942 г. связано с обширным повреждением теменно-затылочной области левого полушария головного мозга (в повествовании, где переплетаются голоса Засецкого и Лурии, содержится ряд «отступлений», посвященных вопросам нейроанатомии и мозговых функций, и написаны они столь ясно и просто, что вряд ли их можно было бы как-то улучшить). Это поражение сказывается на всех сторонах жизни Засецкого: он страдает от невыносимого, постоянно меняющегося зрительного хаоса — объекты, попадающие в поле его зрения (вернее, в то, что от этих полей осталось), оказываются нестабильными, прерывисто мерцают, перемещаются, в результате все кажется движущимся. Он не в состоянии увидеть или даже представить себе правую сторону своего тела — чувство «правой сто-

роны» исчезло как из внешнего мира, так и из его Я. Он переживает постоянные, почти невообразимые сомнения относительно собственного тела: иногда ему кажется, что изменились части его тела, иногда — что его голова стала непропорционально большой, а туловище маленьким, иногда — что его ноги находятся в другом месте... Иной раз ему представляется, что его правая нога расположена где-то над плечом, а может быть, и над головой. Он забывает также, как функционируют части его тела: например когда ему нужно оправиться, он не может вспомнить, где находится его анус.

Однако главным и бесконечно более серьезным, чем все это, является нарушение памяти, языка и мышления: «В памяти ничего нет, я не могу вспомнить ни одного слова... Все, что осталось в памяти, распылено, раздроблено на отдельные части». Он чувствует себя как «какой-то ужасный ребенок», как околдованный человек либо как человек, заблудившийся в ужасном сне, хотя «сон ведь не может быть таким длинным и однообразным. Значит, все это происходит со мной в действительности все эти годы... Какая это ужасная болезнь!» Временами ему даже кажется, что он был убит, так как прежний Засецкий, его прежнее Я и его мир «потеряны». Однако благодаря тому что его лобные доли остались незадетыми, он полностью осознает свое положение и оказывается способным к самым решительным и изобретательным попыткам улучшить его. Книга — рассказ об этих попытках, где между больным и врачом устанавливаются самые доверительные, творческие отношения сотрудничества. Чувство взаимосвязи выступает на первый план и в книге «Ум мнемониста», взаимосвязи, которая нигде не упоминается, остается невидимой, но является всепроникающей и составляющей самую суть медицины, заботы, пронизывающей всю эту книгу особым теплом, чувством и нравственной красотой. Это в не меньшей мере рассказ об усилиях человека, направленных на то, чтобы улучшить свое